

На нем были новые одежды, и, беря палочками еду, он все время боялся испачкать их жиром: то приподнимал рукава, то подбирал полы. Се Ин, глядя на это, не удержался от улыбки:

— Эта одежда и так не новая. Если бы не для того, чтобы просто посидеть в ней немного дома, мне было бы стыдно тебе ее отдавать. Испачкается — и бог с ней, зачем ты ее так дергаешь? Садись спокойно и ешь.

Такое хорошее платье, совершенно новое — разве можно разбрасываться подобными вещами? Цуй Се дотронулся до свисающего края узкого рукава и произнес:

— Просто вот эта свисающая ткань мешает. Позже я скрою для тебя платье с плотно облегающими рукавами, а сверху надеваются кожаные наручи — выйдет невероятно подтянуто и статно. А если уж попадет жирное пятно, тоже не выбрасывай. Нанеси на него крепчайший дистиллированный алкоголь, слегка потри — и оно с легкостью отстирается.

Спирт — действительно полезная вещь. Позже нужно будет отогнать несколько бутылок и поставить дома про запас.

Семья Се из поколения в поколение занимала должности цянью и обладала немалым достаточным состоянием. Даже когда после смерти отца доходы ненадолго сократились, им никогда не приходилось тяжело настолько, чтобы набраться подобной житейской мудрости. Слушая эти бытовые хитрости, Се Ин лишь подумал, как тяжело, должно быть, приходилось ему в прошлом, и мягко сказал:

— Когда у меня дома станут гнать крепкий алкоголь, я велю привезти тебе несколько кувшинов. У тебя дома нет ни вина, ни перегонного куба, самому возиться будет неудобно.

Цуй Се в этот момент как раз раздумывал над пошивом одежды и не обратил внимания на его выражение лица.

— Как я могу принять такой подарок? — со смешком ответил он. — Дома у меня найдется немного вина. К тому же я все равно собирался заказать перегонный куб для выгонки цветочной воды. А чтобы перегонять алкоголь, нужно лишь дозаказать пару сменных деталей.

— Перегонять цветочную воду? — удивился Се Ин. — Ты умеешь делать цветочную воду? Тех несколько флаконов в списке подарков — ты сам их получил?

Цуй Се ответил:

— Те — нет, но я читал в какой-то книге, что еще при династии Южная Сун люди умели перегонять цветочную воду. Вчера я слышал от нашего управляющего, что розовые эссенции из Западного края стоят по десять с лишним лянов серебра за флакон! Я был просто поражен. А ведь это обычная выгонка из шиповника или розы. Если взять жасмин, османтус или другие душистые цветы, тоже получится отличная эссенция. И если делать самим, выйдет вовсе не так дорого — за пару лянов можно выгнать целый большой флакон.

Подумать только: испугался цены в десять с лишним лянов, а сам преподнес столько флаконов в подарок!

Се Ин на мгновение лишился слов, лишь покачал головой:

— В таком случае не ищи мастеров сам. Я велю слугам найти ремесленника, который делал мне перегонный куб для вина, и он изготовит для тебя медный куб.

Цуй Се едва не вскочил с места:

— Как же так! Разве я могу вводить тебя в такие расходы!

Се Ин усмехнулся:

— Почему это мне нельзя потратиться? Разве ты не зовешь меня «брат Се»? Какое же это дело, если старший брат заказывает для младшего перегонный куб? К тому же, разве ты не дашь мне пару флаконов, когда выгонишь цветочную воду?

И то правда: это ведь не разовая сделка, им предстоит общаться еще долго. Цуй Се снова уселся на место, почесал слегка покрасневший кончик носа и проговорил:

— Тогда я буду не спеша пробовать, брат Се, не торопи меня. Если все получится, сможешь использовать ее для умывания и купания — очень приятно.

Се Ин, разумеется, не собирался умащивать себя никакими цветочным водами, но поддержал молодого человека словом, поощряя его начинание.

Он велел слугам подложить Цуй Се еще блюд, а сам стал смаковать вино, закусывая вишней, и параллельно расспрашивать, как тому жилось после возвращения в столицу и приходится ли заниматься торговыми делами дома. Заговорив о торговле, он вспомнил о Цуй Ци и Цзи Ду, которых видел в приемной зале, и поинтересовался:

— Те двое тоже вернулись с тобой в столицу? Собираются теперь открыть для тебя книжную лавку в столице?

Цуй Се и сам еще ничего толком не решил. Оперев подбородок о руку, он произнес:

— У семьи есть три лавки, но ни одна не приносит особой прибыли. Я хочу перепрофилировать одну под книжный магазин. Те двое, должно быть, пришли сверить со мной счета книжной лавки из родных мест. А я хотел сперва навестить брата Се, вот и взял их с собой.

Се Ин сказал:

— В столице в любом случае лучше. Цяньань слишком глух и отдален: пока отпечатанные книги доедут до столицы, проходит несколько дней, продаются они медленно, да и читатели изнывают от ожидания. В столице у тебя теперь есть и дом, и дело, и людей достаточно — открыть новую лавку будет проще простого. К тому же тебя видел сам император Хунчжи и особым указом отправил в Гоцзыцзянь, так что даже без чина и должности никто не посмеет тебя обидеть.

Неужели Сын Неба Чэнхуа мог знать о нем, сыне чиновника пятого ранга, жившего в глуши? Здесь явно не обошлось без содействия цяньху Се!

В груди Цуй Се хлынула волна тепла. Он налил себе кубок горячительного напитка, поднялся и произнес тост:

— Тем, кем я стал сегодня, я обязан поддержке брата Се. Позволь поднести этот кубок в знак моей искренней благодарности!

Он медленно выпил вино, перевернул кубок доньшком вверх. Его глаза горели ярким блеском, источая глубокую искренность. Се Ин тоже поднял свой кубок, осушил его до дна и слегка

кивнул:

— Этого достаточно. Будешь пить дальше — опьянеешь.

Цуй Се кивнул вслед за ним, опустил обратно на стул и честно признался:

— На самом деле я уже немного хмелен. Я все время забываю, что мне сейчас шестнадцать, и я не могу пить наравне с двадцатилетними мужами.

Се Ин не удержался от смешка и тихо приказал слуге:

— Уберите вино молодого господина Цуй, принесите имбирный отвар с минералами, чтобы он протрезвел.

Отвар от похмелья у семьи Се оказался не слишком действенным. Уходя, Цуй Се все еще с трудом соображал и даже забыл переодеться, прихватив с собой — и на себе, и в руках — несколько комплектов старой одежды Се Ина.

Младший управляющий Цзи, сидя в экипаже и видя его рассеянный, мутный взгляд, обеспокоенно спросил:

— Сколько же вы выпили, молодой господин? Сможете ли просмотреть счета? Я привез приходно-расходные книги за этот месяц из дома и из Тунчжоу. Если вы не в состоянии их прочесть, я заберу их пока с собой, а мы с Цуй Ци остановимся на пару дней на постоялом дворе и вернемся, когда вы закончите?

Цуй Се казалось, что рассудок у него еще чист. Посмотрев некоторое время на стенку экипажа, он ответил:

— Не нужно. Дайте мне серебро, посчитаю — и сразу протрезвею.

Цзи Ду достал серебро, спрятанное под настилом экипажа, и передал ему. Цуй Се прижал слитки к себе и пересчитал их несколько раз. Свет, пробивавшийся сквозь занавески окна, падал на серебро, слепя глаза яркими отблесками. Мысли в голове постепенно прояснились. Внезапно отпихнув серебро, он схватил Цуй Ци за руку и сказал:

— А ведь вам действительно нельзя уезжать! Я нарисовал новые эскизы. Младший управляющий Цзи, ты отвезешь их обратно в Цяньань, а заодно передашь управляющему Цзи и Цуй Юаню, чтобы они прибыли в столицу на встречу со мной. Что касается Пэн Яня... Теперь, когда батюшка уехал, хозяин в семье Цуй — я. Пэн Янь останется со мной, будет учиться рисованию и постигать торговлю в наших лавках.

Младший управляющий Цзи и Цуй Ци доставили Цуй Се домой.

Семья Цуй знала, что отец и сын Цуй Юани съездили с молодым господином в Цяньань, а по возвращении получили вольную и даже обзавелись собственной лавкой. Раньше о том лишь ходили слухи, но теперь, глядя на Пэн Яня — слугу, одетого в пошитый на заказ длинный халат и мягкий головной убор, явившегося в дом подобающе и с достоинством, словно знатный гость, — слуги от мала до велика сгорали от зависти.

Они прослужили в семье Цуй полжизни, но так и не нажили ни собственного угла, ни горсти земли, да и та парочка особым уважением в доме не пользовалась. А примкнули к старшему молодому господину — и всего за несколько дней превратились в свободных людей с

собственным делом! Если в будущем этот парнишка Пэн Янь еще и женится да родит крепыша-сынка, не станет ли он через пару лет зажиточным хозяином?

В них смешивалась зависть с вспыхнувшей в груди надеждой: всем хотелось, чтобы старший молодой господин поуправлял домом хотя бы несколько лет — авось и им перепадет выгода и удасться завести собственное хозяйство.

На младшего управляющего Цзи обратили куда меньше внимания. За всю жизнь он приходил в дом семьи Цуй лишь однажды вместе с отцом, да и тогда их выставили за дверь еще до того, как они успели получить деньги. Оставшиеся слуги даже не узнали его, посчитав обычным управляющим, которого привел Цуй Ци. Цуй Се тоже не стал раскрывать его происхождение, представив его как управляющего Цзи из Тунчжоу, прибывшего обсудить дела. Он велел прислуге проводить его в свою спальню, а для гостей подготовить и убрать гостевой дворик.

Теперь именно он являлся главой этого дома. Пусть его приказы и не исполнялись столь непрекословно, как при госпоже Сюй в былые времена, слуги все равно наперебой выслуживались перед ним. Несколько слуг ринулись наводить порядок во дворике, а наиболее сметливые побежали на кухню за чаем и угощениями. Цуй Се велел занести вещи из экипажа к себе в комнату, приказал всем оставаться снаружи во дворе, а сам провел двоих верных людей в малый кабинет.

Сейчас старейшины как раз ушли на полуденный сон, так что с изъятием почтения можно было не спешить, да и сверку счетов отложить на потом. Первостепенным делом было показать им эскизы для многоцветной печати и узнать, смогут ли мастера применить эти техники.

Цуй Се достал из тубуса два свежих рисунка и развернул их, предлагая обоим изучить детали.

<http://bllate.org/book/18372/1761351>